
МЕЗОАМЕРИКАНСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А. В. САФРОНОВ

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНИХ МАЙЯ НА ОСНОВЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ*

Статья посвящена проблеме исследований территориально-политической структуры области древних майя в классический период (I тыс. н.э.) на основе данных письменных источников. Изучение иероглифических надписей майя с середины XX в. дало толчок к изучению политической истории и географии региона. Различные упоминания «эмблемных иероглифов» (названий царств) и топонимов позволили исследователям к началу 2000-х гг. осуществить привязку событий к географической карте и восстановить приблизительное местоположение многих политий майя. Однако для детальной реконструкции территорий царств данные эпиграфических памятников не дают нужной информации и на современном этапе требуется применение новых, в том числе и комплексных междисциплинарных подходов с опорой на письменные источники.

Ключевые слова: майя, эпиграфика, иероглифические надписи, территориально-политическая организация, историческая география, археологический памятник, Мезоамерика, доколумбовая Америка.

Современный этап развития наших знаний об истории древних майя имеет ряд существенных ограничений, которые происходят из специфики источниковой базы. Исследование периода формирования и развития ранних (т.н. «номовых») государств майя в I тыс. н.э. опирается на две основных группы источников: археологические и эпиграфические, памятники. В силу особенности содержания иероглифических текстов — царские надписи (на монументах) и владельческие надписи (на предметах мелкой пластики) в сферу активного изучения попадет династическая история и военно-политическая история многочисленных царств майя, а также ряд аспектов культурного развития майяской общности. В частности

* Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научно-исследовательского проекта на тему ««Территориально-политическая организация древних майя в области Центральных низменностей (ГИС-моделирование)» (грант РФФИ № 14-06-00372; 2014–2015 гг.).

речь идет о знаниях в области астрономии, математики и календарной системы, кульгово-религиозных традиций и мифологической концепции древних майя. С другой стороны, иероглифические надписи практически не затрагивают вопросы социального характера, за исключением, разве что, организации внутри элиты, экономическая составляющая практически не отражена в эпиграфических памятниках, равно как и повседневная жизнь низов общества.

Отчасти этот недостаток информации восполняют данные археологии, однако он далеко не всегда достаточно репрезентативен для детального анализа отдельных аспектов. Помимо общей трудоемкости процесса археологического исследования в области низменностей майя, до сих пор скажется и увлеченность археологии начала-середины XX в. изучением крупных архитектурных комплексов, а не исследование рядовой застройки и общинных поселений. К ним археология постепенно перешла лишь с 1970-х гг., а более-менее активные региональные исследования ведут лишь последние два десятилетия. В этой связи возникает закономерный вопрос, можем ли мы, используя имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники вычленивать и использовать какую-либо информацию, которой ранее исследователи не уделяли должного внимания, в том числе и использование новейших методов исторического исследования?

Одной из наиболее актуальных в настоящее время проблем в сфере исторических исследований общества древних майя является реконструкция их территориально-политической организации. Особенность проблемы состоит в том, что несмотря на детальное (при, фактически, восстанавливаемой по дням последовательности событий) исследование династической истории майя I тыс. н.э., основанной на анализе многочисленных иероглифических надписей, территориально-политическое деление области майя — то есть, результат военно-политической активности майя, остается предметом многочисленных дискуссий, причем, находящихся на стадии поиска приемлемого метода исследования. Как уже было отмечено выше, длительный период становления майяской археологии в 1-й половине XX в. был связан с раскопками крупных городищ — политических центров майя. Эти исследования ввели в научный оборот основную массу эпиграфических памятников, используемых в настоящее время в исследованиях по истории майя. Однако открытие и изучение политических центров, а также истории правивших в них династий, сами по себе не дают ответ на вопрос, а на какую территорию распространялась их власть? Каким образом мы можем определить и маркировать территории подконтрольные тем или иным царствам. Да и вообще можем ли говорить о каких-то конкретных фиксированных территориях, если мы не знаем ни одного документа, регламентирующего разграничение подконтрольных территорий. а археологически пока не зафиксировано ни одного маркера, выполняющего роль пограничного знака?

Кстати, в последние годы в зарубежном научном дискурсе все большую популярность приобретает тезис о том, что царства майя, это политические образования не привязанные к конкретной территории. В качестве обоснования приводятся примеры из классической истории майя, когда столица царства не находилась в том месте, которое указано

в основном царском титуле — «эмблемном иероглифе», соответственно, нет прямой связи между конкретной столицей царства и топонимом, ассоциируемом с царской династией. Следовательно и власть династии не привязана к некоей территории царства, которая сформировалась бы вокруг политического центра, территория скорее определялась текущей политической конъюнктурой, взаимодействием внутри правящей династии [Tokovinine, 2008, p. 192–225]. Не вступая в длительную дискуссию с данной точкой зрения, поскольку обсуждение таковой не является основной целью настоящей работы, ограничимся лишь констатацией ряда фактов. Во-первых, известно много случаев перемещения столицы царства из одного города в другой, что могло происходить в рамках конкретной территории, при сохранении изначального топонима происхождения династии. Во-вторых, далеко не все области и периоды истории майя хорошо представлены в письменных источниках, поэтому существующие лакуны просто не позволяют реконструировать событийную историю в ряде спорных моментов. В-третьих найдены первые археологические доказательства существования своеобразных «пограничных полос» между царствами — пустых незаселенных и необрабатываемых пространств шириной до 2–3 км между территориями, подконтрольными двум политическим центрам, как например между Йашчиланом и Пьедрас-Неграс в районе городищ Теколоте и Ла-Пасадита [Golden, Scherer, Muñoz, 2005, p. 15]. Так что вне зависимости от названий царств и локализации династий территория, видимо, оставалась неизменной длительное время. Наконец, и это, пожалуй, главное — мы ведем речь о развитом земледельческом обществе с высокой степенью социально-политической организации, создавшем раннее государство. Основной ресурс развития такого общества — земля, территория. Область низменностей майя, при все своей обширности, уже в раннюю классическую эпоху была заселена достаточно плотно, пригодная для земледелия территория была поделена на стадии формирования первых государств, «ничейных» земель практически не было. В подобной ситуации сложно предположить, что территории многих государств произвольно менялись вне зависимости от процессов военно-политической экспансии. Наоборот мы видим, что именно борьба за территории является основной движущей силой многочисленных конфликтов между царствами майя, при этом название царства/династии не имеет решающего значения в развитии этих процессов.

Таким образом, отправной точкой нашего исследования является положение о том, что любое политическое образование древних майя вне зависимости от своего политического веса обладало некоей территорией, размер и конфигурация которого определялась целым рядом факторов: рельеф местности, степень собственного политического влияния и своих соседей, необходимая для функционирования центра экономическая зона и удобство доступа к ней, расположение коммуникационных путей и другие аспекты. Вряд ли мы можем считать, что территория и границы любого царства были полностью стабильными, они явно менялись в зависимости от ситуации, но произвольного перемещения территории точно не происходило.

С этой точки зрения, эпиграфические памятники классического периода имеют исключительное значение для реконструкции политической

географии области майя. Хотя нельзя не отметить, что их анализ в комплексе с данными археологии является наиболее продуктивны. Тем не менее без письменных источников наши реконструкции территориально-политической организации области майя носили бы больше гипотетический характер. Соответственно, в данной работе мы попытаемся рассмотреть какую информацию содержат эпиграфические памятники майя, каким образом ее можно использовать в исследованиях по реконструкции политической географии майя, как это отражено в современной историографии.

Пожалуй, первый весомый вклад в исследование политической географии майя внес гватемальский исследователь немецкого происхождения Генрих Берлин. Работая с монументами из различных городищ низменностей майя, он пришел к выводу, что практически в каждой надписи встречается особый блок, который он обозначил, как «эмблемный иероглиф». Данный блок, как правило, состоит из двух или трех частей, причем, если первые два знака являлись общими для всех надписей, то третий — «основной знак» — варьировался в зависимости от археологического городища. Г. Берлин заключил, что «основной знак» указывает на принадлежность к каждому конкретному городу. Он определил «эмблемные иероглифы» восьми наиболее крупных из известных на тот момент археологических городищ низменностей майя: Тикаля, Наранхо, Копана, Киригуа, Йашчилана, Пьедрас-Неграс, Паленке и Сейбаля. При этом он отметил, что в Йашчилане существует двойной «эмблемный иероглиф», то есть в надписях параллельно используются два отличных «эмблемных иероглифа» [Berlin, 1958]. Однако он так и не смог указать точного значения «эмблемного иероглифа», по мнению Берлина, основной знак мог обозначать либо титул правящей династии, либо название города, либо бога-покровителя города. Однако, впервые была фактически определена связь между содержанием иероглифических надписей и конкретными политическими центрами. Хотя в 1-й половине XX в., в рамках господствовавшей тогда «теократической» концепции разделение области майя на 4 крупных политических образования с центрами в Тикале, Копане, Йашчилане [Morly, 1960, p.160] носило больше спекулятивный характер, нежели опиралось на объективный анализ письменных источников.

Идеи Берлина в целом разрабатывались в русле т.н. «школы условного чтения» основоположником которой стала американская исследовательница русского происхождения Татьяна Проскурякова. Отличительной особенностью данного метода работы с надписями являлись анализ хронологии и иконографии, а также позиционная статистика. По сути, он предполагал не чтение надписи, как таковое, а лишь ее интерпретацию на основе выделенных данных, а именно: определение хронологической последовательности событий, вычленение групп монументов на основе различных иконографических мотивов, а затем проведение позиционного анализа и определение различных типов иероглифов — глаголы, имена, титулы, объекты. Несмотря на то, что проблемами политической географии майя Т. Проскурякова не занималась, но она предполагала, что «эмблемный иероглиф» может обозначать или правящую династию, либо же название города или области [Proskouriakoff, 1960, p. 471].

Затем в научных исследованиях, опираясь на новые данные, развернулась дискуссия о функции «эмблемных иероглифов». Томас Бартель предложил свою трактовку данного титула. В частности он считал, что постоянные знаки в составе «эмблемного иероглифа» указывают на принадлежность к царской династии, а основной — на место правления династии. На стеле А из Копана и стеле 10 Сейбаля он обнаружил примеры записи четырех последовательных «эмблемных иероглифов» и сделал предположение, что они как-то были связаны с представлениями майя о четырех сторонах света [Barthel, 1968, 179–180]. В свою очередь Дэвид Келли обосновал утверждение о том, что «эмблемные иероглифы» действительно следует считать названиями местностей, поскольку в надписях нет ни какой другой обширной группы иероглифов, которая могла бы быть связана с топонимикой [Kelley, 1976, p. 215]. Всего же разными исследователями к 1980-м гг. было определено около пяти десятков «эмблемных иероглифов», встречающихся в надписях Центральные низменностей майя.

Канадский эпиграфист Питер Мэтьюз продолжил исследование феномена «эмблемного иероглифа» в более широком контексте территориально-политической организации майя. Так он отвел статус независимых политий не всем «крупным ритуальным центрам», которые были обнаружены на тот момент, а только тем городищам, в надписях которых был зафиксирован собственный оригинальный «эмблемный иероглиф». Количество политий майя в классический период, по Мэтьюзу составило около 60–70 государств [Mathews, 1991, p. 28–29]. Кроме того, П. Мэтьюз предложил именовать политические образования майя термином «небольшая полития» (*small polity*), а не город-государство, поскольку на тот момент еще не до конца было ясно, достигло ли общество майя I тыс. н.э. уровня государства. Однако главной заслугой Мэтьюза является попытка провести реконструкцию территориально-политического деления области майя, что подразумевает определение приблизительных территорий царств майя.

На этом этапе исследования он использовал метод «полигонов Тиссена», который впервые в локализации археологических памятников был применен Уильямом Буллардом в 60-е гг. XX в. при исследовании социально-политической структуры северо-восточного Петена [Bullard, 1960]. Суть этого метода состоит в том, что каждое (более-менее крупное) городище майя классического периода рассматривалось как центр независимого политического образования, соответственно, отрицалось существование крупных региональных государств и иерархии политических центров. Таким образом, политическая структура майя представлялась, как общность небольших по площади государств, обладавших равным статусом, их средняя площадь составляла приблизительно 2500 км² [Marcus, 1993, p. 154–156; Mathews, 1991, p. 29; Mathews, 1997, p. 293–295]. Для определения территории политии служил достаточно условный и дискуссионный принцип проведения линий границ (граней полигона) на равном удалении от соседних политических центров. П. Мэтьюз, в отличие от У. Булларда в качестве основного критерия маркировки территории определил не размер археологического памятника, а наличие в его надписях оригинального «эмблемного иероглифа». Таким образом он впервые определил связь между гипотетической территорией царства и данными эпиграфики.

Помимо общей реконструкции политической карты области майя П. Мэтьюз в своей диссертационной работе заложил основу изучению политической географии Западного региона. Результаты анализа иероглифических текстов позднеклассического периода из Йашчилана он использовал для исследования динамики изменения территорий царств в области Верхней Усумасинты в период с начала VI в. (9.4.0.0.0) по конец IX в. (10.3.0.0.0) [Mathews, 1997, p. 332–357]. Впервые государства майя были представлены не статичными территориями, а изменяющимися во времени, в зависимости от развития исторической ситуации. Несмотря на то, что подобная реконструкция стала возможна на основе использования данных письменных памятников, у нее есть и ряд недостатков, к которым относится ограниченная выборка эпиграфического материала (преимущественно из одного городища) и его поверхностный анализ, в добавок надо учитывать и предельную схематизацию территорий политий, полученных в результате применения метода «полигонов Тиссена». Например, Мэтьюз приписывал статус столиц царств в Западном регионе всего 8—9 городищам, в то время как в реальности количество политий было на порядок больше. Подобную методику П. Мэтьюз применил для исследования развития территориально-политической организации Петешбатунского региона в VII—VIII вв., и вновь на основе анализа эпиграфического материала [Mathews, Willey, 1991]. Поскольку, в этом случае анализировались тексты из всех городищ региона, то получилась более целостная реконструкция, которая затем была подтверждена результатами работы археологического проекта региона Петешбатун.

Следует отметить, что в западной историографии сложилась и иная, отличная от концепции городов-государств, точка зрения на функции «эмблемного иероглифа». Данное направление исследования социально-политической структуры общества майя получило название концепция региональных государств и она предполагала существование у майя не множество маленьких политических образований, а нескольких крупных региональных политических объединений, охватывавших значительную часть низменностей. Наибольший вклад в разработку концепция региональных государств внесли труды американской исследовательницы Джойс Маркус. Примечательно, что за основу исследования политической структуры низменностей майя Дж. Маркус взяла анализ распределения «эмблемных иероглифов» в надписях, проведенный Т. Бартелем. Она предположила, что «эмблемный иероглиф» является обозначением города и территории, подчиненной ему. Следовательно, упоминание «эмблемных иероглифов» в надписях является отражением иерархических связей между городами майя. На основании упоминания четырех «эмблемных иероглифов» в надписях из Копана и Сейбаля Дж. Маркус сделала вывод, что в позднеклассический период в низменностях существовало четыре региональных столичных центра, вокруг которых развивались гексагональные связи подчиненных второстепенных центров. Была выстроена четкая пятиуровневая иерархия поселений, в которой первые два уровня занимали города с «эмблемными иероглифами», затем — города с надписями, и мелкие поселения на нижнем уровне [Marcus, 1973; Marcus, 1993, p. 149–154].

Предложенная американской исследовательницей схема политического деления низменностей включала в себя четыре крупных региональных государства с центрами в Тикале, Калакмуле, Копане и Паленке, а также две «конфедерации», возникшие в позднеклассический период, одна с центром в Йашчилане, вторая — Петешбатунская конфедерация в бассейне реки Пасьон, в разное время, управлявшаяся разными городами, в том числе Сейбалем. В целом общество майя представлялось как «архаическое государство» — «стратифицированное, высокоцентрализованное общество с внутренней специализацией и профессиональным правящим классом» [Marcus, 1993, p. 115]. К серьезным недостаткам исследования Дж. Маркус следует отнести слабую проработку эпиграфического материала. Полный анализ текстов отсутствует, даже данные, полученные по методу «условного чтения» трактуются автором весьма вольно и выборочно. Следует признать, что некоторые ее выводы относительно формы политических образований вокруг некоторых центров, прежде всего — Тикаля и Калакмуля, подтвердились более поздними исследованиями.

До начала 1990-х гг. активная дискуссия между сторонниками городов-государств и региональных государств, подкрепляемая анализом эпиграфического материала фактически строилась на частоте упоминаний «эмблемных иероглифов», при том что участники дискуссии до конца не понимали значения данного элемента иероглифических надписей майя. Новый этап в изучения иероглифической письменности майя, а следовательно и возможностей для реконструкции территориально-политической организации, начался с развитием т.н. «новой фонетической школы». Основу развития данного направления положили статьи молодого американского эпиграфиста Дэвида Стюарта, который, в частности, в 1985 г. в статье ««Эмблемный иероглиф» Йашхи, как *Yax-ha*» впервые прочитал основной знак «эмблемного иероглифа» и доказал, что данные знаки являются топонимами [Stuart, 1985]. Затем Д. Стюарт обобщил накопленный к началу 1990-х гг. материал и обосновал использование контент-анализа эпиграфических источников (а не только расчета дат и упоминания «эмблемных иероглифов» для исследования социально-политической организации майя и реконструкции территориального деления области майя на нескольких примерах) [Stuart, 1993, p. 322—332].

Качественно новый этап в исследованиях политической географии древних майя на основе данных письменных источников нашел отражение в коллективной монографии Дэвида Стюарта и его американского же коллеги Стивена Хаустона «Названия местностей классических майя» [Stuart, Houston, 1994]. В ней авторы впервые подробно анализируют такой элемент иероглифических надписей как топонимы. Они показали, что названия реальных географических мест повсеместно используются в надписях при описании событий династической и военно-политической истории. Авторы определили более двух десятков топонимов и отождествили их с известными археологическими городищами. В результате проделанная ими работа фактически послужила началом пересмотра схемы социально-политического устройства и политического деления классических майя.

Д. Стюарт и С. Хаустон пришли к важному выводу, что использование «эмблемного иероглифа» являлось выражением государственности у

классических майя. «Эмблемный иероглиф», как правило, состоит из трех частей: титула *k'uhul* — «священный», титула *'ajaw* — «царь» и вписанного в знак **'AJAW** основного знака, являющегося топонимом — названием политического центра царства (зачастую изначального) [Stuart, Houston, 1994, p. 3–7]. Полная форма «эмблемного иероглифа» выглядит следующим образом, например, **K'UH-BAAK-la-'AJAW**; *k'uhul Baakal 'ajaw* — «священный царь *Бакаля*» (*Паленке*). Хотя в историографии продолжает поддерживаться точка зрения, что основным знак «эмблемного иероглифа» является более названием династии, нежели топонимом, давшим название царству [Tokovinine, 2008, p. 164–168]. В «эмблемном иероглифе» титул «священный» не является его обязательным, однако однозначной закономерности его употребления найти до сих пор не удалось. Согласно одной из точек зрения титул *k'uhul* носили цари наиболее древних, но при этом не далеко не самых могущественных царств. То есть «священными» царями, скорее всего считались представители династий, оформившихся в раннеклассический период (III–V вв.). В иероглифическом языке майя государство обозначалось термином *'ajawlel/'ajawil* — «царство» [Grube, 2000, p. 553]. Таким образом, ранние государства майя следует именовать царствами.

Также Д. Стюарт и С. Хаустон показали, что в иероглифических текстах топонимы встречаются не только в «эмблемных иероглифах». Обычно они употребляются и при указании места события с глаголом *'uhtiiy* («это случилось») или места происхождения упомянутых лиц (т.н. «титул происхождения» *'aj...* — «человек из...»). Они определили, что существовало несколько уровней топонимов, различных по своей значимости: названия царств, названия областей/городов, названия мелких географических объектов [Stuart, Houston, 1994, p. 7–18]. Таким образом, уже в письменных источниках содержатся сведения, что царство имело сложную внутреннюю структуру, состояло из нескольких областей, объединенных вокруг столицы. Внутри царств имелась иерархия городских поселений, выполнявших роль узлов в системе власти и управления: княжества, наместничества (сахальства) на позднем этапе, в некоторых случаях подчиненные политии [Беляев, 2002, с. 139–144]. Таким образом, американские исследователи выявили целый пласт ценнейшей информации, содержащейся в иероглифических текстах, который может быть использован для определения границ политий майя. С точки зрения практического применения этих данных можно отметить, что, например, простая маркировка границ с помощью метода «полигонов Тиссена» уже не может быть осуществлена без корреляции с локализацией топонимов, соответствующих владениям исследуемой политической единицы.

Важнейший вклад в исследование социально-политической организации классических майя внесли в немецкий эпиграфист Николай Грюбе и британский специалист Саймон Мартин. В середине 1990-х гг. ими была написана серия статей, в том числе совместных [Martin, Grube, 1994; Martin, Grube, 1995; Grube, 2000], в которых авторы проанализировали большой комплекс надписей, в первую очередь из области Центральные низменностей. Ими было обосновано существование двух крупных государственных образований, одно из них с центром в Тикале — царство Куку'ль (или Муту'ль),

что признавалось достаточно давно, а второе с центром в Калакмуле — царство Кану'ль. Их исследования отчасти подтверждало предположения Дж. Маркус, хотя ее выводы не имели существенной опоры письменными источниками. Реконструкция исторической канвы классического периода, проведенная С. Мартином и Н. Грюбе, показала, что взаимоотношения государств майя на территории низменностей, по крайней мере, с IV по VIII вв. определялись внешнеполитической активностью данных двух государств. Более того, если с начала V по начало VI вв. доминирующим царством являлся Куку'ль, то в начале VI в. завязывается противостояние между Куку'лем и Кану'лем, которое охватывает всю область низменностей и разделяет политическую систему майя на два противоборствующих лагеря. То есть, любой конфликт, который возникал между ними, автоматически охватывал их вассалов и превращался в войну в масштабах всей области майя. В 562 г. Кану'ль одержал победу над Куку'лем и в течение последующих полутора столетий он являлся гегемоном майяского мира.

В рамках исследования социально-политической организации майя С. Мартин и Н. Грюбе обратили внимание на высокую степень стабильности системы территориально-политической организации майя. Под этим понимается тот факт, что большинство царств, образованных в раннеклассический период, существовали и в позднюю классику, несмотря на череду периодов возвышений и упадков. На основании этого они выдвинули гипотезу о «сакральности» границ царств майя. По их мнению любая полития майя, которая обладала своим «эмблемным иероглифом», была формально неприкосновенна в своих границах и должна была существовать «вечно» [Martin, 2004]. С. Мартин также отмечает, что государства майя различались своим положением в политической системе, цари, носившие титул *k'uhul 'ajaw* — «божественный царь», стояли выше, нежели просто *'ajaw*. Поскольку т.н. «сакральность границ» подразумевала сохранение «эмблемного иероглифа» *de jure*, то у майя была выработана сложная система подчинения мелких царств более крупным, включавшая в себя формы: вассальной зависимости, как правило, на уровне личной унии царей, выплаты дани, военного альянса, династического брака [Martin, Grube, 2000, p. 19–20].

К сожалению гипотеза не нашла отражение в крупных научных публикациях, однако в рамках дискуссии о характере территориально-политической организации у древних майя мы не можем не отметить, что идея о «сакральности границ» царств верна лишь в отношении самого «эмблемного иероглифа», которые в большинстве своем существовали постоянно вплоть до общего упадка классической культуры майя IX в. Однако вопрос о стабильности границ весьма спорный. У нас есть все основания полагать, основываясь на проведенном анализе больших массивов надписей из Централных и Западных низменностей майя, что изменения границ майяских царств все-таки имели место и проводились за счет небольших пограничных областей, переходивших из рук в руки, вероятно это было постоянным явлением. При этом царство, которое теряло область, разумеется не уничтожалось совсем, и сохраняло свой официальный атрибут — «эмблемный иероглиф». У древних майя даже практиковалось

прямое объединение двух царств под властью одной династии, выраженное в записи двойного «эмблемном иероглифе» [Сафронов, 2005, с. 184—185].

То есть на основании исследований С. Мартина и Н. Грюбе стало очевидно, что политическая организация классических майя не была однородной, как это представлялось до них. В последние годы явно наметился отказ от жестких схем анализа социально-политической структуры общества майя, таких как «город-государство» или «региональное государство» и активный поиск новых направлений исследования и выработкой новых методов. Кроме того, с начала 2000-х гг. роль эпиграфики в исследованиях территориально-политической структуры майя сильно повысилась, в связи с тем, что появилась возможность реального чтения и понимания иероглифических текстов, кроме того, постоянно растет количество новых находок надписей, каждая из которых может существенно поменять наше представление о том или ином эпизоде истории. Однако Мартин и Грюбе, при всем их углубленном анализе исторических событий классического периода, так и не затронули проблему реконструкции территориального деления области майя. Фактически они лишь ограничились оценкой степени интенсивности связей между различными политическими центрами и характером этих связей, что отражено в их известной схеме «Взаимодействия политических центров майя», которая с их точки зрения более презентабельна, нежели переложение этих связей на географическую карту [Martin, Grube, 2000, p. 21].

Подобную работу проделали американские исследовательницы Марта Мэкри и Джессика Мансон, по сути переложив схему, предложенную Марином и Грюбе, на географическую карту [Munson, Macri, 2009]. Их анализ был основан на систематизации обширного эпиграфического материала, и выделении различного рода связей между царствами, определении качества и направленности этих связей (войны, междинастические браки, дипломатические связи элит и др.) . Однако в результате получилась не модель территориально-политического деления области майя, а всего лишь маркировка крупных политических центров и условной зоны их влияния, включающая другие маркированные малые политические и локальные административные центры [Munson, Macri, 2009, p. 232–237]. Их схема также включает отметку условных линий этих связей (т.е. наглядную визуализацию), но речи о реконструкции границ политий в работе не идет. Собственно и сам анализ и критерии оценки вызывают немало вопросов. Например на карте совершенно неверно локализованы некоторые топонимы майя (центр царства Сакц'и, условное городище «Лаштунич»), ряд центров вообще не указаны (Помона — центр царства Пакбу'ль, Санта-Елена-де-Баланкан — центр царства Вабе(а), Эль-Пахараль и Сапоте-Бобаль — центры царства Хишвиц и многие другие) из-за чего возникает несоответствие графической информации и общего хода исторических событий. Явно многие события интерпретированы совершенно не верно, да и выборка не может претендовать на полноту, учитывая пробелы в локализации важных политических центров. С этой точки зрения работа Мэкри и Мансон интересна скорее как историографический опус, нежели реальный инструмент для реконструкции схемы территориально-политической организации древних майя.

В свете рассматриваемой нами проблемы нельзя не упомянуть об еще одном исследовании, которое можно охарактеризовать, как наиболее прогрессивный подход к исследованию политической географии майя на начало 2000-х гг. Мексиканский специалист Армандо Анайя применил т.н. метод «гравитационной модели», разработанный в свое время для локализации неидентифицированных городищ дохеттской эпохи (1940—1740 гг. до н.э.) в Анатолии [Анайя, 2001, р. 42]. Данный метод заключается в расчете «гравитационного расстояния» — радиуса условной зоны влияния политического центра с помощью набора специальных математических формул [Анайя, 2001, р. 42—43]. В данном подходе важно то, что для расчета «гравитационного расстояния» необходимо значение одного из показателей, отражающего степень интенсивности связей между соседними политическими центрами, и определяемого на основании информации эпиграфических источников. Для этого А. Анайя ввел шкалу оценки исторических событий, по которой различные типы событий (разгром царства, захват пленника, признание вассалитета и т.п.), в зависимости от своей политической значимости, оценивались в пределах от 30 до 100 единиц. В своем исследовании А. Анайя учел такой фактор, как локализацию вторичных политических центров подчиненных основным центрам, что является бесспорным показателем территории политики. Реконструкцию границ А. Анайя попытался привязать к физико-географическим данным, в частности, расположению коммуникационных путей в области Верхней Усумасинты и определить их влияние на направление и степень интенсивности внешнеполитических связей государств данного региона [Анайя, 2001, р. 50—55], а также маркировать вдоль путей т.н. критические точки — места, где соприкосновение интересов политий наиболее вероятно.

В результате проведенных расчетов А. Анайя предложил свою реконструкцию политической карты области Верхней Усумасинты [Анайя, 2001, р. 49], в которой он показал приблизительные территории, подчиненные известным политическим центрам. Использование данных письменных источников за период V—IX вв. дали возможность автору реконструировать динамику изменений территорий царств на разных этапах исторического развития области Верхней Усумасинты. Несмотря на определенную инновационность и четкость математического расчета данный метод, а, следовательно, и результаты исследования А. Анайи содержат множество недостатков. Особенно вызывает нарекание анализ письменных источников, проведенный молодыми канадскими эпиграфистами Марком Зендером и Стэнли Гюнтером, который содержит ряд неточностей и игнорирование многих важных надписей. Общая концепция политического деления региона Верхней Усумасинты А. Анайи, основывается на несколько устаревшей схеме П. Мэтьюза 1987 г. [Mathews, 1997, р. 348—357], которая в настоящее время опровергнута российскими исследователями [Беляев, Сафронов, 2004, р. 132—135].

Вызывает нарекания шкала оценки важности политических событий. Например, такое военное событие как захват пленника (*chuhkaj* — «был захвачен») во всех случаях оценивается в 60 единиц, хотя подобные события совсем не равноценны — захват сахалья (наместника) или представителя

царского двора по значимости отличается от захвата царя, которое может привести к подчинению побежденного царства. В то время как «основные» военные события — разгром царства (*jubuu kab* — «поверглась земля»), поражение (*jubuu 'u-too 'k' 'u-pakal* — «поверглось его оружие (т.е. войско)») оцениваются в 90 единиц, однако в реальности поражение войска в битве какого-нибудь князя или сахалья по значимости может уступать пленению человека того же ранга. Наивысшая оценка — 100 баллов дана событиям, произошедшим по повелению царя (*'u-kabjiiy* — «он повелел это»), хотя это могут быть различные по характеру действия: от установки монумента до утверждения вассального правителя. К тому же в расчетах использовалась суммарная оценка событий, а при не полном использовании данных письменных источников в расчетах уже присутствует ошибка. Поэтому единую и адекватную систему оценки значимости событий определить практически невозможно, каждое упоминаемое в надписях событие, особенно военно-политического характера, должно рассматриваться отдельно, в зависимости от его исторического контекста.

Самое главное, исследование А. Анайи, а также работы Мартина и Грюбе, Мэкри и Мансон, показали, что возможности использования эпиграфических памятников самих по себе, в качестве источника по реконструкции территориально-политической географии, практически исчерпали свои возможности. То есть на основании упоминания «эмблемных иероглифов», топонимов и событий которые с ним связаны, можно определить приблизительную локализацию царств и областей, которые входили в их состав, восстановить событийную историю в привязке к географии региона, но вот реконструировать более-менее точные границы территории того или иного царства не представляется возможным. Именно поэтому исследователи все чаще прибегают к различным междисциплинарным методам, что очень наглядно демонстрирует работа А. Анайи.

Наше исследование политической географии майя в Западных низменностях майя также строилось преимущественно на основе контент-анализа эпиграфических надписей и сопоставлении полученной информации с данными археологии и визуальной оценке топографии региона [Сафронов, 2006. С 170—255]. Реконструированная карта территориально-политического деления региона в первую очередь показывает наиболее актуальные данные о локализации политических центров и взаиморасположение территорий царств с учетом их упоминаний друг о друге в текстах. То есть чем число взаимных упоминаний выше, тем выше вероятность, что царства непосредственно граничили друг с другом и наоборот. Представленная реконструкция ни в коем случае не претендует на определение точных границ политий, но стремится передать конфигурацию территорий с учетом особенностей ландшафта, то есть отойти от принципа «полигонов Тиссена», широко применяемой вплоть до начала 2000-х гг. Нельзя не признать, что у предложенного подхода есть и ряд недостатков, в частности определение конфигураций территорий царств носило в большинстве случаев умозрительный характер и не имело под собой четкой теоретической базы. Если при наличии ярко выраженной неоднородности ландшафта (например, существовании горного массива между двумя

политическим центрами) определить границу не представлялось затруднительным, то при отсутствии таких факторов определение рубежей царств было весьма проблематичным.

Решить эту проблему призвано применение более четких и теоретически обоснованных методов, среди которых наиболее актуальным автору статьи представляется реконструкция потенциальных экономических зон политических и административных центров с учетом рельефа местности посредством аналитических процедур программного комплекса ГИС [Сафронов, 2012]. Собственно, уровень современных работ в сфере изучения территориально-политической организации майя показывает, что данные эпиграфики являются неременным базисом любого исследования, без анализа этой информации, построение каких-либо целостных выводов невозможно, как на узком локальном, так и широком региональном уровнях. Вместе с тем, использование только данных эпиграфики уже не отвечает современным запросам исследователей, для реализации которых необходимо применение комплексных методов, в том числе с опорой на естественнонаучные дисциплины и информационные технологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Anaya A.* Site Interaction and Political Geography in the Upper Usumasinta Region during the Late Classic: A GIS Approach. Oxford, 2001.
2. *Barthel T.* El complejo «emblema» // Estudios de cultura Maya. 1968. T. VIII. P. 159–183.
3. *Berlin H.* El glifo “Emblema” en las inscripciones Mayas // Journal de la Société des Américanistes. Paris, 1958. T. 47. P. 111–119.
4. *Bullard W.* Maya Settlement Pattern in Northeastern Peten, Guatemala // American Antiquity. 1960. Vol. 25, N 3. P. 355–372
5. *Golden C., Scherer A., Muñoz R.* Exploring the Piedras Negras—Yaxchilan Border Zone. Archaeological Investigations in the Sierra del Lacandon, 2004 // Mexicon. 2005. Vol. XXVII. N 1. P. 11–16.
6. *Grube N.* The City-States of the Maya // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. Copenhagen, 2000. P. 547–565.
7. *Kelley D.* Deciphering the Maya Script. Austin, 1976.
8. *Marcus J.* Ancient Maya political organization // Lowland Maya Civilization in the Eighth Century A.D. Washington, D.C., 1993. P. 111–183.
9. *Marcus J.* Territorial organization of the Lowland Classic Maya // Science. 1973. Vol. 180. P. 911–916.
10. *Martin S.* Identity and Distinction in the Classic Maya Polity. Paper presented on: «Maya Ethnicity — the Construction of Ethnic Identity from Preclassic to Modern Times», Bonn, 2004
11. *Martin S., Grube N.* Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya. London, 2000.
12. *Martin S., Grube N.* Evidence for Macro-Political Organization Amongst Classic Maya Lowland states. London—Bonn, 1994. Unpub. man.
13. *Martin S., Grube N.* Maya Superstates // Archaeology. 1995. N 6. P. 41–46.
14. *Mathews P.* Classic Maya Emblem Glyphs // Classic Maya Political History: hieroglyphic and archaeological evidence. Cambridge, 1991. P. 19–29.
15. *Mathews P.* La escultura de Yaxchilan. Mexico, 1997.

16. *Mathews P., Willey G.* Prehistoric polities of the Pasion region: hieroglyphic texts and their archaeological settings // *Classic Maya political history: hieroglyphic and archaeological evidence.* Cambridge, 1991. P. 30–71.
17. *Morley S.* *The Ancient Maya.* Stanford, 1947.
18. *Munson J., Macri M.* Sociopolitical network interactions: A case study of the Classic Maya // *Journal of Anthropological Archaeology.* 2009. N 28. P. 424–438.
19. *Proskouriakoff T.* Historical implications of a pattern of dates at Piedras Negras, Guatemala // *American Antiquity.* 1960. Vol. 25, N 4. P. 454–475.
20. *Stuart D.* *Historical Inscriptions and the Maya Collapse // Lowland Maya Civilization in the eighth century A.D.* Washington, D.C., 1993. P. 321–354.
21. *Stuart D.* The Yaxha emblem glyph as *Yax-ha* // *Research Reports on Ancient Maya Writing.* 1985. N 1.
22. *Stuart D., Houston S.* *Classic Maya Place Names.* Washington, D.C., 1994.
23. *Tokovinine A.* *The Power of The Place: Political Landscape and Identity in the Classic Maya Inscriptions, Imagery and Architecture.* Dissertation for degree of Doctor of Philosophy in the subject of Anthropology. Department of Anthropology. Harvard University, Cambridge, Massachusetts, 2008.
24. *Беляев Д. Д., Сафронов А. В.* Ак'е и Шукальнах: история и политическая география государств майя бассейна Верхней Усумасинты // *Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ.* 2004. Вып. 6. С. 119–141.
25. *Беляев Д. Д.* Древние майя (III—IX вв.) // *Цивилизационные модели политогенеза.* М., 2002. С. 130–155.
26. *Сафронов А. В.* Двойной «эмблемный иероглиф» в иероглифических надписях майя // *Древний Восток и античный мир.* 2005. Вып. 7. С. 174–189.
27. *Сафронов А. В.* *Государства майя Западного региона в классический период.* Дисс. на соиск.уч.степени к.и.н. М., 2006.
28. *Сафронов А. В.* Методы пространственного анализа ГИС в исследовании структуры раннего государства древних майя // *Археология и геоинформатика.* Выпуск 7. М., 2012. Издание на компакт-диске

Поступила в редакцию 15.05.2014